

КОРОНА
ИЗ ПЕРЪЕВ

НИКИ ПАУ ПРЕТО

Магия ворона (АСТ)

Ники Пау Прето
Корона из перьев

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.111-31(71)

ББК 84(7Кан)-44

Пау Прето Н.

Корона из перьев / Н. Пау Прето — «Издательство АСТ»,
2019 — (Магия ворона (АСТ))

ISBN 978-5-17-115191-1

Два века Золотая империя процветала, но ее нутро точила гниль: обделенные магическим даром жители всегда смотрели косо на анимагов, Укротителей фениксов. Наездники были мощью и славой империи, однако предательство королевы-регента и последовавшие войны привели к исчезновению их ордена. Минуло шестнадцать лет с последнего сражения Войны крови. Две сестры, кроткая Вероника и деспотичная Вал, борются за выживание в империи, где каждый маг должен встать на учет и платить непомерную подать. Тех, кто утаил доход, ждет повинность – рабская служба не-магам. Последняя надежда сестер, да и всех анимагов – возродить орден наездников...

УДК 821.111-31(71)

ББК 84(7Кан)-44

ISBN 978-5-17-115191-1

© Пау Прето Н., 2019

© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	19
Глава 4	24
Глава 5	27
Глава 6	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Глава 1

Вероника

Вероника собирала кости.

Обугленные кости оленя, зажаренного на вертеле; ломкие и сухие, как пла́вник, вываренные ребрышки. В гнилом салате и картофельных очистках Вероника откопала крохотные и острые, как кинжалы, рыбы косточки, а еще птичьи – полые и хрупкие.

Сидевший у Вероники на плече маленький филин с отвращением ухнул. Вероника тихо шикнула на него и, сложив птичьи кости в корзину, встала.

Было поздно, и вечерняя прохлада обещала ночную стужу. На деревенских улицах было пусто и тихо – никто не видел, как одинокая девочка роется в помойных кучах. Облака отличали серо-стальным, скрывая полную луну, – в такой темени ничего не разглядеть, потому-то Вероника и призвала в поводыри филина. Он зорко видел в ночном мраке и, проникая в разум девочки, подсказывал, где переступить через камушки и булыжники, а где – пригнуться под низко нависшими ветками. Правда, впопыхах Вероника все равно спотыкалась: Вал велела спешить, а заставляя ее ждать – себе дороже.

От возбуждения, подгоняемая сильным страхом: а вдруг сегодня та самая ночь? – кровь быстрее бежала по жилам.

Выдыхая облачка пара, Вероника возвращалась к хижине, где жила вместе с Вал. Домик был небольшой и стоял заброшенным, когда девочки на него набрали: ярко-синяя краска на двери облупилась, сломанные ставни повисли; должно быть, в теплое время года он служил пристанищем для охотников, а в дождливую зиму пустовал. С каждым днем погода становилась суше и теплее, так что вскоре, наверное, придется искать новый дом.

При виде хижины у Вероники внутри все сжалось. Когда она уходила, из трубы столбом валил дым, а сейчас от него остались призрачные лоскутки. Значит, время на исходе.

Подбежав к порогу и настезь распахнув хлипкую дверь, Вероника ворвалась в единственную комнату. Внутри было очень темно, если не считать рыжих проблесков в тлеющих углях. Стоял душливый запах дыма, на языке ощущался вкус пепла.

Вал стояла посреди комнаты у круглого очага. Резко обернувшись, она нетерпеливо выхватила у сестры корзинку и уставилась на содержимое.

Презрительно фыркнула:

– Все, на что ты способна... – сказала она, отшвырнув корзинку в сторону. Половина косточек рассыпалась по утопанному земляному полу.

– Сама велела спешить, – напомнила Вероника, заглядывая в очаг: огонь под слоем свежего топлива горел жарко. И подпитывали его не вываренные или обугленные косточки животных, а крупные и белые кости.

На вид человеческие.

Проследив за взглядом сестры, Вал ответила на незаданный вопрос:

– Ты все равно задержалась, мне пришлось самой искать.

Несмотря на жар в комнате, по спине Вероники пробежал холодок. Она плотнее запахнулась в шерстяной платок, и филин-проводник, о котором она совершенно забыла, взъерошил перья.

Сестра заметила движение под покровом, и Вероника замерла, чувствуя, как в тревожном ожидании покалывает каждый мускул в теле. Разозлится ли сестра, как обычно, или позволит птице остаться?

Филин под взглядом Вал нервно переступал с лапки на лапку. Вероника попыталась успокоить его, хотя сама не могла унять тревогу. Миг – и, вскользь оцарапав плечо Веронике, филин бесшумно вылетел в распахнутую дверь.

Вероника закрыла дверь, не смея обернуться, страхась грядущей ссоры. Обе сестры были анимагами – общались с животными, – но смотрели на дар совершенно по-разному. Для Вал животные – инструменты, с которыми и обращаться надлежит соответственно: понукать, заставлять, ставить ниже себя.

Вероника, напротив, видела в них равных.

– Любовь к ним ослабляет, – предупредила Вал, сидя на корточках у очага, спиной к Веронике. Она добавила в набирающий силу огонь несколько мелких собранных сестрой косточек: аккуратно уложила их вокруг пары серых, в разводах копоти яиц. Яйца покоились в ложе раскаленных углей вперемешку с костями и пеплом. Пламя лизало их гладкие бока.

Лица Вал Вероника не видела, но знала, что в глазах сестры горит блеск воодушевления. Вероника медленно и раздраженно вздохнула. Сколько можно об этом?..

– Для наездников птицы не были питомцами, с которыми надо сюсюкаться. Фениксэры были воинами, и с птицами их связывала не любовь, а долг. Честь.

Фениксэры. Всякий раз, как Вал упоминала наездников, анимагов, связанных с фениксами, в сердце Веронике вспыхивал огонь возбуждения. С древнепирейского слово «фениксэры» буквально переводилось как «повелители фениксов», о чем Вал не уставала напоминать. Наездниками становились только анимаги, потому что лишь с помощью магии можно помочь легендарной птице вылупиться, а потом разговаривать с ней и летать.

Вероника лишь о том и мечтала, чтобы стать наездницей. Как королевы-воины древности. Рассекать небеса верхом на фениксе, быть свирепой и отважной, как Лира Защитница или Авалькира Эшфайр, увенчанная тиарой из перьев.

Однако последние наездники парили в небе Золотой империи больше шестнадцати лет назад. Почти все сгнули в Войне крови, когда Авалькиру и ее сестру Феронию стравили в борьбе за трон. Выживших заклеили предателями – за ними охотились, ловили и казнили. Больше нельзя было творить анимагию без учета и неподъемной пошрины. Анимагам вроде Вероники и Вал приходилось жить в грязи и таиться, скрывая дар, из постоянного страха, что их поймут и отправят на подневольную службу.

В дни славы наездники были элитными гвардейцами, и для Вероники в детстве одна мысль о них служила маяком надежды. Бабушка обещала, что однажды наездники вернутся и анимагам станет нечего бояться. А когда бабушка умерла, Вероника поклялась сама стать наездницей. Она хотела стать светочем для бедных, одиноких, вынужденных скрываться анимагов. Обрести силу и средства защищать таких же, как она и Вал, в бою. Силу, без которой она не сумела защитить бабушку.

Может, наездников как воинского ордена и не стало, но если хочешь стать фениксэрой, нужны всего лишь две вещи: дар анимагии и феникс.

Вероника обошла Вал и присела у очага. Яйцо феникса уместилось бы в сложенных ладонях, а видом и цветом оно до того напоминало камень, что ничего не стоило его проглядеть. Такой у него защитный механизм, объясняла Вал, чтобы птица могла отложить яйца в тайном месте и оставить на долгое время, пока не вернется сама – или пока его не отыщет анимаг, чтобы помочь птенцу вылупиться. Часто сами наездники устраивали схроны с яйцами внутри статуй или в священных местах, однако многие такие тайники империя разорила еще в войну.

Годами Вероника и Вал искали яйца: обшаривали каждый обветшалый храм, каждую брошенную заставу наездников или забытое строение, какие только встречались. За еду покупали сведения, сбывали караванщикам краденые ценности, а порой Вал расплачивалась подальше от глаз сестры. После смерти бабушки Вал твердо вознамерилась убраться с Вероникой подальше из Аура-Новы, столицы империи, уйти в Пиру, вот только далось это нелегко.

Сразу после войны выезды из империи плотно стерегли, ведь многие союзники Авалькиры бежали от преследования в Пиру. Да и после, страшись рабства и бедности из-за налога на магию, многие пытались выбраться следом. Некогда Пира была провинцией, но под предводительством Авалькиры Эшфайр отделилась. С гибелью коронованной перьями королевы она превратилась в опасное место, где не властен закон империи. И все же для анимагов там было спокойнее.

Без нужных бумаг нечего было и думать о том, чтобы пересечь границу. К тому же Вероника с Вал – анимаги, если бы их дар раскрыли, то запрягли бы в ярмо. Вот и приходилось мотаться в пределах империи: Вал была главной, а Вероника следовал за ней. Спали в канавах, на крышах, под открытым небом – в дождь и в зной. Вал то и дело куда-то пропадала, порой на несколько дней, а возвращалась в крови и с кошельком денег в руках.

Наконец тяжкие дни завершились: девочкам удалось уговорить одного купца за мзду, чтобы провез их контрабандой с караваном в Пиру, на родину родителей. Вероника знала, что когда-нибудь судьба их изменится, и вот спустя несколько долгих месяцев ожидания оправдались. В обветшалом храме, глубоко в лесах Пиры Вал отыскала два идеально сохранившихся яйца феникса. По одному на каждую из сестер.

От одной мысли об этом у Вероники защидало в глазах, навернулись слезы. Она с трудом сдерживала чувства. Всякий раз, стоило Веронике подумать о том, чем они занимаются, и позволить себе восторженную улыбку, как Вал неизменно осаждала ее, холодно напоминая о правде: не всегда из яиц вылупляются фениксы. Не всегда феникс внутри соглашается на узы, а то и вовсе умирает еще до рождения.

Даже сейчас Вал, глядя на яйца в очаге, не улыбалась, не радовалась. Они будто и не вызревали вовсе, а лежали на погребальном костре.

В огне стрельнула кость, и в воздух взметнулось облачко пепла. Вероника, чтобы не вдохнуть прах мертвеца, задержала дыхание и очертила круг на лбу.

– Прекрати, – одернула сестру Вал, схватив за руку. Ее прекрасное и жестокое лицо напоминало маску: темная кожа в красных и рыжих отсветах пламени, перемежаемых тенями. – Нельзя все применять Глаз Аксуры. Это для крестьян и рыбаков. Ты выше этих глупостей.

Вал в богов особо не верила, но Аксура особенно почиталась у пирейцев – и укротителей фениксов, – и сестра обычно позволяла Веронике молиться ей, возносить благодарности. Хотя при виде мелких суеверных жестов задирала нос и делала вид, будто они с Вероникой выше селян и рабочих, среди которых и прожили всю жизнь. С детства у сестер не было приличного дома, они ютились в трущобах Теснины, беднейшего района Аура-Новы. И вот они сидят на корточках в чужом доме. Ну, и кто они, если не нищие?

– Ты поела? – решила сменить тему Вероника. На лице Вал снова застыло фанатичное выражение. Под глазами набухли мешки. Ей было всего семнадцать, но измождение делало ее старше. Вероника тихонько отодвинулась от очага и порылась в ящиках с припасами, которых оставалось уже совсем мало.

– Перекусила соленой рыбой, – ответила Вал знакомым отстраненным тоном. Она всегда говорила так, когда слишком долго смотрела в огонь.

– Вал, рыба закончилась два дня назад.

Сестра в ответ повела плечом, и Вероника вздохнула. С тех пор, как нашлись яйца, Вал не ела. Умная и изворотливая, она частенько забывала, что в жизни есть и простые дела. Готовить еду, чинить одежду, следить за отдыхом и чистотой в доме приходилось Веронике. Вал же мысленно пребывала где-то очень далеко: либо в местах и с людьми, что давно сгинули, либо в мечтах о грядущих свершениях.

Продолжая рыться в припасах, Вероника откопала почти пустой мешок из-под риса. Надо найти что-нибудь достойное для обмена в деревне, а иначе придется голодать.

– Сама знаешь, что не придется, – сказала Вал, глядя в огонь.

Осознав ошибку, Вероника закрыла глаза. Она позволила себе думать открыто, ее мышления мог прочесть любой – и их считала Вал. Если способность мысленно общаться с животными, как у Вероники с Вал, встречалась часто – по словам Вал, в империи примерно у каждого десятого, а в Пире и того чаще, – то способность проникать в умы людей обнаруживалась реже, чем яйца феникса. Наделенных ею называли тенемагами. И уж совсем редко такой дар получали сразу два ребенка в семье, как Вал и Вероника. Тенемагия – не анимагия, по наследству не передается и, насколько знала Вероника, для большинства она миф: ею владели древние пирейские королевы и давно почившие герои старых легенд и эпосов.

Анимагия и так вне закона, магам приходилось осторожничать, а уж сестрам-тенемагам осторожничать приходилось вдвойне. Ведь если на анимагов в Пире смотрели сквозь пальцы, то за тенемагию Веронику с Вал непременно сдали бы властям. На всякую легенду о королеве – укротительнице феникса, обладавшей необыкновенной способностью отличать правду ото лжи, был рассказ-предостережение о злой ведьме, растлевающей души и порабощающей умы. По большей части, подозревала Вероника, это все чушь, но люди чураются необъяснимого. Так что Вал и Веронике для собственной же безопасности лучше было держать дар в тайне.

Однако Вал это, конечно же, не мешало применять тенемагию на Веронике всегда, когда вздумается.

«Ограждай разум», – мысленно велела Вал. Как и анимаги, тенемаги использовали дар, чтобы общаться, а еще – чтобы подчинять себе волю других. Последней возможностью Вал пользовалась частенько: когда нужна была еда, одежда, пристанище, но с сестрой она только общалась... Вероника на это надеялась. И все же она замечала, как сестра, стоит ее послушаться, борется с искушением. Вероника прекрасно сознавала опасность такого сильного дара.

– Сейчас ужин приготавливаю, – сказала Вероника, запирая мысли и чувства внутри и возводя вокруг них воображаемые стены – в точности как учила сестра. Обычно она неплохо справлялась с тем, чтобы скрывать мысли и чувства, но усталость сказывалась: они вот уже два дня поддерживали огонь, – и разум обнажился. Подготовка поможет отвлечься от трепета предвкушения и болезненного страха, которые постоянно сменяли друг друга. Чем ближе подходил срок, когда птицам предстояло вылупиться, тем сильнее нарастал страх: вдруг что-то пойдет не так и все окажется напрасно.

От двух камней в очаге зависело все.

Сунув под мышку мешок риса, Вероника подвесила над краем очага тяжелый глиняный горшок.

– У нас еще есть немного лука и сушеного мяса, хватит на бульон и... Вал?

Послышался запах паленой ткани. Вал придвинулась к огню так близко, что задымился край накидки. Однако девушка оставалась неподвижной, как статуя, не замечая жара, а по ее испачканным сажей щекам текли слезы.

У Вероники сжалось сердце, и она устремила взгляд в огонь, надеясь застать там причину беспокойства сестры. И увидела, как одно из яиц покачнулось: в нем что-то застучало. Вероника затаила дыхание. Среди шипения и потрескивания в очаге послышалось, как внутри скорлупы что-то скребется.

В груди Вероники расцвела чистейшая и сильная надежда.

Вероника взглянула на Вал, как бы задавая сокровенный вопрос, надеясь, что ответ будет «да».

Сестра кивнула и чуть слышно шепнула:

– Срок пришел.

* * *

В начале были свет и тьма, солнце и луна – Аксура и ее сестра Нокс. Аксура правила днем, Нокс – ночью, и вместе они хранили равновесие. Однако ненасытная Нокс хотела большего и стала украдкой рыскать по небу и днем, выпуская детей, стриксов, дабы те сеяли по земле тень.

Желая сдержать голодную Нокс, дети Аксуры – фениксы – вступили в сражение. Сдержать тьму под силу только свету, и фениксы раз за разом побеждали стриксов.

Война длилась веками, и люди страдали под ее гнетом. Мудрая Аксура увидела в них не рабов, но союзников.

И вот, приняв облик феникса, она спустилась к пирейским племенам на высочайшую вершину Пирмонта.

– Есть ли среди вас отважные и бесстрашные? – спросила она.

– Нет храбрости без страха, – отвечала ей Нефира, вождь племени.

Аксуре ответ пришелся по душе, и она предложила испытание. Зажгла огонь, пламя которого поднялось выше деревьев, и велела Нефире войти в него – дабы доказать свою веру.

Нефира послушалась и заживо сгорела, но смерть не стала для нее концом

В огонь она вошла вождем племени, а вышла анимагом, тенемагом, первой королевой-наездницей.

«Сказание о Нефире и первых наездниках», из «Пирейских эпосов», том 1, ок. 460 г.д.и.

Глава 2

Вероника

*Я – дочь смерти. Я убила мать, когда меня из нее доставали.
Восстала из праха, словно феникс – на погребальном костре.*

Стоя на коленях у огня, Вероника и Вал следили, как тонкая трещинка разбегается паутинкой. И вот уже скорлупу сдерживала только полупрозрачная пленка. Яйцо пульсировало сердцем, и через неровные трещины проглядывали алые перья. Наконец, когда наружу пробился золотой клювик, оно вздрогнуло.

У Вероники задрожали руки, ей хотелось кричать и хлопать в ладоши, но она сдерживалась, сохраняя неестественное спокойствие. Она боялась дышать, моргать – лишь бы не пропустить ни одного мгновения этого славного события. В ушах шумело, и в этом гуле растворилось, превращаясь в белое ничто, все вокруг – кроме нее самой и яйца.

Сколько прошло времени, Вероника не знала, но спустя часы – а может, и минуты – скорлупа наконец развалилась, и из яйца в тлеющие угли выпал птенец. Его оперение отливало блестящим, живым оттенком красного. Такого Вероника прежде ни разу не видала: он был ярче иного драгоценного камня, утонченнее крашеного шелка.

Вероника смотрела на пернатое создание, а душу ее переполняло ликование, смешанное с удивлением: неужели получилось?! Столько времени прошло, и вот у них птенец феникса.

Он попытался встать, и его влажное оперение зашипело и задымилось на углях.

Забыв, что перед ней – огненная птица, что пламя ей, рожденной из огня и пепла, не навредит, Вероника ахнула и потянулась к птенцу. Вал остановила сестру, позволяя просто смотреть.

Неуязвимый для огня, феникс копошился в осколках скорлупы, пока наконец не встал и не обернулся к девочкам. Выглядел он как самый обыкновенный новорожденный цыпленок: хлипкие ножки, едва различимые крылышки, узкая шейка, которая почти не держит головку. Но вот глаза... Крупные, широко распахнутые, они смотрели встревоженно.

Смотрели на Веронику.

Она выдохнула, как бы отмечая конец прежней – никчемной и бесцельной – жизни. Вдох она делала уже в другой, и новая жизнь сулила ветер в лицо, бескрайние синие небеса и горячее пламя солнца. Кончики пальцев покалывало, чувства обострились, и мир расцвел невиданными доселе красками. В жилах Вероники закипала магическая сила, ее пульс стучал как второе сердце – или же то билось, в унисон с ее собственным, сердце феникса.

В тот же миг Вероника поняла, как права была Вал, говоря о связи между анимагом и фениксом. Это – не любовь. Такое мелкое слово не в силах охватить и доли чувства уважения и преданности, доверия и опоры, что устанавливались между человеком и птицей. Эти узы скреплены звездами и старше империи, долины и гор, древнее богов, такую связь не разорвет и смерть. Судьба Вероники – бескрайняя, бесконечная и вневременная – была теперь связана с этим созданием, и им суждено быть вместе.

Они теперь союзники.

Ощувив на лице дуновение прохладного ветерка, Вероника обернулась. В хижину сквозь распахнутую дверь проникал бледный свет зари.

Вал нигде не было видно.

* * *

Позднее сестра вернулась. На ее лице играла маска безразличия. Вал принесла мешок риса, кукурузную муку, соленую рыбу и сушеную оленину, горшочек меда и финики. Финики – лакомство редкое и дорогое, они росли только в провинции Стель. В горах и кукуруза-то – редкость, ее возделывали ближе к Предгорью.

Вероника поднялась на ноги, оставив феникса на полу, и вытерла потные ладони о штанины. Вал частенько, когда злилась, пропадала на несколько часов – а то и дней, – толком ничего не объясняя. В лучшем случае она успевала остыть. В худшем гнев сестры только вскипал, набирая силу.

Чаще всего Вероника и не знала, чем разозлила сестру, но не в этот раз. Первый феникс должен был достаться Вал – она старшая, и это она нашла яйца. Вероника ощутила укол вины и очень постаралась подавить это чувство, чтобы не портить долгожданный, восхитительный момент. Вал переживет. Надо лишь подождать, пока вылупится второй птенец.

Тихонько чирикнув, феникс выбрался из очага. В огне его пламенно-красное оперение превратилось в мягкий пушок. Клювик и лапки были такими же золотыми, как статуи фениксов, которые Вероника видела в детстве, на площади богов в Аура-Нове... пока их не снесли. Некогда стражи и защитники империи, укротители фениксов оставили службу и поклялись в верности одной только Авалькире Эшфайр. Так они стали предателями, а вместе с ними – и фениксы. И хоть Авалькира считалась законной наследницей престола, она, еще не достигнув возраста коронации, совершила предательство, посему ее заклеили преступницей и изгнали за пределы империи. Губернаторы поддержали ее сестру, не обладавшую магией Феронию.

Авалькира обосновалась в Пире. Вскоре девушку и ее сторонников стали называть мятежниками – за то, что нарушали законы империи и отказывались отвечать за преступления, которые им приписывали. После смерти Авалькиры империя за несколько лет разрушила все, что хоть как-то напоминало о ней и ее наследии – и особенно изображения фениксов.

Работа оказалась не из легких: фениксы с самого основания империи стали частью ее истории. Символы царственного рода, они считались священными птицами верховной богини Аксуры, или Азурека, как ее величали на торговом наречии, всеобщем языке. Одну за другой статуи фениксов убрали из храмов, а тексты молитв изменили. Аксуру, которую всегда изображали в облике феникса, очеловечили. Запретили даже песни, поэмы и пьесы, в которых эти птицы упоминались.

И хотя к делу Совет губернаторов приступил еще во времена Войны крови, закончил он лишь спустя несколько лет. Однако все то время, что Вероника жила в пределах империи, ее преследовали мелькающие тут и там обрывочные образы фениксов: выцветшие фрески под слоем облупившейся краски, стеклянная мозаика под треснувшим бетоном... Вероника частенько мечтала, как бы вернуться в те места, верхом на фениксе, и отскоблить краску, разломать тротуар, вскрыть спрятанную истину.

Вздвигнув, она поняла, что эти мечты теперь не так уж далеки от того, чтобы сбыться.

Вероника осторожно глянула на сестру: Вал зубами вскрыла мешочек кукурузной муки, высыпала немного в чашку, щедро полила ее медом и принялась перемешивать в кашу.

– Для птенца, – объяснила она наконец, кивнув в сторону феникса. – Потом он сможет есть финики и фрукты. Лишь бы достать их.

Вал знала о фениксах все. Спасибо майоре, которая в дни юности была наездницей. Одной из немногих, кому удалось сбежать от преследования... пусть и ненадолго. Бабушка обожала рассказывать истории, и если Веронике нравились рассказы о великих сражениях, то Вал предпочитала жизненные знания. Вероника забрала у сестры миску – Вал старательно

отводила взгляд – и поставила ее перед фениксом. Птенец присмотрелся к содержимому, а потом опустил клювик в сладкую кашу.

– Второй ведь уже скоро вылупится, Вал? – спросила Вероника.

Вал посмотрела на яйцо: больше похожее на камень, оно покоилось в горящих углях.

– Должен, – уклончиво ответила она и с громким стуком захлопнула ставни.

Феникс вскинул было головку, но тут же вернулся к трапезе. Сломанные ставни отсекали почти весь свет близкого к зениту солнца, и комната погрузилась во мрак – если не считать теплого свечения очага.

Странно было сознавать, что их теперь трое. Большую часть своих жизней сестры провели вдвоем. Родители пали еще в Войну крови, а спустя почти десять лет толпа растерзала бабушку.

Исход войны был страшен, но беды продолжались спустя многие годы: наездников выслеживали и судили, небольшие группы мятежников и инакомыслящих ловили и казнили. По империи прошла новая волна недовольства. Совет – правящий орган, состоящий из четырех провинциальных губернаторов, ростовщиков, банкиров, землевладельцев и прочих видных политических лидеров – показательно, жестоко и скоро наказывал всякого несогласного. Испугавшись сильнее, анимаги ушли в подполье еще глубже, а те, кто их ненавидел, стали выслеживать их еще охотнее.

В один из погромов бабушка и погибла. В суде закончился какой-то процесс, и толпа двинулась от его дверей в Теснину, где пряталось много анимагов.

Заслышав шум, майора велела Веронике и Вал бежать, оставив ее. Девочки были маленькие и запросто выскользнули бы в окно. Шустрые, они убежали бы переулками, где бабушке было не пройти.

Вероника не хотела уходить и вцепилась в старую, иссохшую бабушкину руку. Когда дверь распахнулась, та обернулась и посмотрела на нее спокойно и уверенно, словно буря и не разразилась.

– Берегите друг друга, – только и успела шепнуть она. В следующий миг ее поволокли к двери.

Вал ухватила сестру поперек живота и потащила прочь, но Вероника отказывалась так просто уходить. Она лягалась и визжала и даже укусила сестру за руку, но все было тщетно. Ей, охваченной жутким страхом, оставалось во все глаза смотреть, как майора исчезает в бурлящей толпе. Вероника не знала, как их нашли или чем они себя выдали. И думать было нечего образумить толпу.

Вал вытащила сестренку в узкое оконце – едва успев спастись.

Сестры бежали от разразившегося безумия, а в голове Вероники эхом отдавались последние бабушкины слова: берегите друг друга.

Поначалу она поняла наказ буквально: думала, что майора велела присматривать друг за другом, охранять, но чем дольше над ним размышляла, тем сильнее убеждалась, что бабушка имела в виду нечто иное. Перед лицом ненависти, страха и смерти майора говорила о любви и защите.

Такими Вероника видела укротителей фениксов: защитниками, – такой она и хотела стать. И так почтить память бабушки.

Она вдруг воспылала ненавистью к сестре – за то, как легко та бросила майору. Вероника пыталась биться, пусть и тщетно, а Вал сражаться и не думала.

Однако оглядываясь назад, Вероника понимала, что Вал стала той, без кого сестры не выжили бы. Слезы и страх Вероники не спасли бы их. Решительная и собранная, Вал помогла им пробиться. Ей было одиннадцать – всего на год больше, чем Веронике, – когда погибла майора. С тех пор она несла на своих плечах бремя заботы о них обоих.

Вал улеглась на соломенный тюфяк у стены, и, глядя на нее, Вероника ощутила, как глубоко в животе затянулся пульсирующий, болезненный комочек вины. Вал сделала для нее столько, что и до конца жизни не расплатиться. И вот она уступила сестренке союзника, этот величайший дар.

Подумав немного, Вероника оставила феникса – даже просто отстраняясь от него, она ощутила боль в сердце – и легла рядом с сестрой. Нужда всегда заставляла спать вместе: чтобы беречь тепло или когда просто не хватало места. Вал не призналась бы, но еще так было уютнее.

Стоило Веронике улечься подле сестры, как тугой узелок в животе немного ослаб. Беречь друг друга... Как бы ни складывалась жизнь, именно так сестры поступали и поступать будут. С Вал нелегко: она умеет быть холодной и злой, отстраненной. В то же время она сестра, человек, которого Вероника любила, уважала – и да, боялась – больше всех на свете. Они преодолеют трудности, как обычно. Вместе.

Вал лежала лицом к стене, и Вероника смотрела ей в затылок. Волосы сестры собрались на тюфяке в темно-рыжую копну – цвет очень, очень редкий среди темнокожих пирейцев. Пряди лоснились в отблесках пламени; отсветы огня играли в бусинах и яркой тесьме, вплетенной в десятки косичек. Мода так носить волосы родилась еще до Золотой империи, в эпоху королей, когда в Пире царствовали яростные правительницы – все наездницы, до единой. Волосы украшали и женщины, и мужчины – драгоценными камнями или какой-нибудь мелочью на память о важном событии.

И даже когда Пира присоединилась к империи, наездники вплетали в косички перья фениксов и осколки обсидиана как знаки отличия элитных воинов. Каждый кусок вулканического стекла – из него в древности делали наконечники для стрел и копий – отмечал победу в сражении, служил символом гордости и обретенного опыта. Говорят, у Авалькиры Эшфайр обсидиана в волосах было столько, что его острые грани царапали голые плечи, и те покрывались алой мантией крови.

В долине косички встречались все реже, там их воспринимали как знак преданности наездникам, Авалькире Эшфайр и неверности имперским губернаторам. Вал от традиции не отеклась, и сестры почти все детство носили головные платки. Благо те в империи были в ходу, и девочки сливались с толпой, скрывая свое истинное происхождение.

Вероника рассеянно провела пальцами по шелковистым сестриным волосам. Они отчаянно нуждались в уходе: выбившиеся прядки спутались и свалялись; в косички набилась грязь, корни отросли. Время от времени косички надо заплетать заново, чтобы тяжелые бусины и памятные безделушки не выпадали. У пирейцев волосы прямые и лоснящиеся, их и вовсе надо вощить или умащать маслом, чтобы лучше держались. Если бы не Вероника, которая заботилась о волосах сестры – а та терпела это неохотно, – то Вал совсем запустила бы себя. Ей недосуг мыть голову, расчесываться и следить за прической.

И если оттенок волос как у Вал – насыщенный рыжий, словно огненное оперение феникса – был у их народа в почете, то Веронике достался самый обычный черный. Стриглась она короче, но в пряди точно так же вплетала подарки и цветную тесьму. У сестер даже имелось несколько одинаковых косичек, и Веронике нравилось теребить их – напоминая себе, что, несмотря на все различия, у нее с Вал много общего.

Вот перламутровые раковины, вплетенные, еще когда сестры под присмотром майоры учились плавать в Перстах, паутине рек, которая начиналась от Длани и змеилась мимо столицы. Целиком система рек называлась Длань Бога, ее подпитывала река Аурус: стекая с вершины Пирмонта в долину, она дробилась и растекалась почти по всей империи. Бабушка учила, что всякий пиреец должен учиться плавать в водах Ауруса, и что ближе к ней, чем в водах Перстов, им не оказаться.

Позанимавшись несколько недель, пылая решимостью, сестры сумели вплавь добраться до противоположного галечного берега самого широкого из Перстов, набрали там ракушек

и вернулись. Вал, разумеется, обогнала Веронику, но в кои-то веки та не ощутила себя слабее. Потом обе сидели на берегу, раздумываясь, стуча зубами, пока майора вплетала им в волосы ракушки.

Вероника со вздохом, полным тоски, отложила украшенные ракушками косицы и отыскала те, что были унизаны деревянными бусинами. Сестры вырезали и раскрасили их сами, вручную – в первую ночь, как оказались в Пире. Рядом они вплели в волосы полоски хлопковой ткани, вымоченной в смеси чернил и пепла – в память о бабушкиной гибели.

Каждая косица напоминала о прожитых вместе годах, словно живой гобелен, связавший их навеки.

Наконец, когда дыхание Вал сделалось мерным, Вероника отпустила ее волосы и подкрасилась к огню. Тихонько порылась в углях на краю очага под любопытным взглядом феникса. В голове благодаря узам промелькнули образы: картинки, звуки, ощущения птенца, – раскрашивая мир яркими красками, делая его интереснее. Феникс был еще слишком мал, чтобы связно мыслить и общаться, однако его присутствие уже вселяло уверенность.

Отыскав наконец осколки скорлупы, Вероника выбрала не самые острые, отложила их в сторонку и взялась за ларчик с нитками и воском для ухода за волосами. Еще внутри лежал деревянный гребень, шнурок, иглы, пилка и прочие миниатюрные инструменты. Вероника откопала среди них пилочку и аккуратно сточила острые края скорлупы – та была куда толще обычной. Затем иглой продырявила осколки в самой толстой их части – точно так же, как когда-то продырявила хрупкие ракушки бабушка.

Вероника вытянула с затылка прядку волос. Она не стремилась скрыть новую косицу, просто не хотела выставлять напоказ, а то Вал, чего доброго, разозлится. Сестре, само собой, не понравится напоминание о том, как Вероника связала себя с птицей, а она – нет.

«Это временно», – сказала себе Вероника.

Если верить Вал, феникс привязывается к человеку, еще находясь в яйце, вот почему нужно держаться поближе к нему, пока он не вылупится. Каждый феникс выбирал себе наездника, еще не придя в этот мир, образуя магическую связь прежде телесной. И вот первый феникс почему-то выбрал Веронику.

Размяв в руках кусочек воска, Вероника принялась втирать его в волосы. Привычные движения помогли немного унять угрызения совести.

Вал простит ее. Всегда прощает. Скоро вылупится второй птенец, и все снова станет хорошо. Сестры вместе вырастят фениксов, станут наездницами, совсем как родители... и бабушка. От этой мысли у Вероники внутри потеплело.

На фениксах они с Вал запросто пересекут всю империю. Сперва им, конечно, придется скрываться, но со временем они отыщут и других, подобных им, – фаниксэров. Не все попали в лапы империи. Некогда их были сотни – и сотни будут снова. Вместе наездники станут сильнее – настолько, что помогут другим, и больше не придется жить в страхе.

В следующий раз, если кто-то придет на порог дома Вероники и Вал, чтобы забрать их близких, Вероника даст отпор. То, что случилось с бабушкой, не повторится ни с кем из дорогих ей людей.

Вероника закрепила косицу шнурком, потом аккуратно вплела в волосы кусок скорлупы. Посмотрела на него, потом на клевавшего пол феникса. Да не просто феникса, а ее феникса.

Улыбнувшись, Вероника взяла птенца на ладонь и вернулась к Вал. Феникс дарил необыкновенный покой: Вероника ощутила, как спокойствие накрывает ее теплым покрывалом, и погрузилась в сон.

Она сидела в залитой солнечным светом палате: роскошные ковры, резная деревянная мебель, свитки в нишах на стенах. Библиотека. Вероника ни разу не видела библиотеки, да и

просто столь прекрасно обставленной комнаты. Однако во сне сразу поняла, где оказалась. Дома.

На другом конце комнаты она заметила девочку. Кто она, Вероника не знала, но встречала в снах и прежде. В темных волосах у нее были бусины тонкой работы и сверкающие камни; сидя за разделяющим ее и Веронику столом, она сосредоточенно хмурилась над свитком и шевелила губами.

Вероника во сне любила ее – в груди у нее разливалось теплое чувство; где-то в глубине, в некоем колодце чувств, пусть и не ее собственном, просыпались беззаботное настроение и нежность. Вероника проживала чужую жизнь, в чужом теле.

– Что такое «феново»? – раздраженно спросила девочка. – Почти похоже на «феникс», только окончание другое.

– Не забывай корневые слова, – неожиданно для себя произнесла Вероника. Голос явно был женский, и в нем едва угадывались нотки упрека. – Если первая половина слова похожа на «феникс», на что похожа вторая?

Девочка немного помолчала, закусив нижнюю губу.

– Ово... ово... яйцо!¹ – прошептала она, победно просяяв. – Получается... яйцо феникса?

Вероника кивнула. Во сне она радовалась успеху девочки.

– Они – большая редкость, и птенца вывести трудно. Фениксы символизируют жизнь, но еще и смерть, это круг. Вот почему они перерождаются... Смерть дарует им жизнь. Если яйцо не пестовать бережно, в огне на костях мертвых, птенец возьмет жизнь из другого места. Даже, если придется, у родных братьев и сестер.

– Они убивают друг друга? – спросила девочка. – Родных?

Выражение победы на лице сменилось тревогой. В комнате как будто стало холоднее.

Вероника пожала плечами. Впрочем, у нее было ощущение, что разговор – не просто о фениксах.

– Они ищут равновесия за счет друг друга. Смерть в обмен на жизнь, ксе кси, – объяснила Вероника.

«Ксе кси» – выражение на тирейском, увещевание, «мильй», «дорогой». Услышав его, Вероника подумала, что они с девочкой, наверное, родственницы. Сестры.

В коридоре послышались шаги, и девочки обернулись к двери. Пора им было расставаться...

Сон рассеялся, и Вероника проснулась – в темной холодной хижине. Желудок скрутило от ужаса.

Видения преследовали ее всю жизнь. Вал говорила, что это – из-за дара тенемагии, и потому Веронике надлежит ограждать разум, даже во сне. В воздухе, подобно семенам одуванчиков, витают людские мысли и эмоции, они словно ждут, когда им откроется неосмотрительный разум, как у Вероники, или когда их поймает ум более острый, как у Вал. Веронике трудно было запираť сознание по ночам, и в ее голове эти перелетные мысли и чувства обретали форму странных снов.

Хуже приходилось в Аура-Нове, среди толпы. В горах, где рядом была только Вал, стало спокойнее, но сестра предупреждала, что ум – как разветвленная пещера, и мысли годами задерживаются в темных глубинах, чтобы всплыть на поверхность позднее. Должно быть, поэтому Веронике постоянно снились одни и те же люди. Они как будто пробурили себе путь в ее сознание и отказывались уходить.

А сегодняшний сон, откуда бы ни взялся, напугал ее до самой глубины души.

¹ Многие древнепирейские термины в романе автор заимствует из греческого языка и иногда из латыни. «Ово» или «яйцо» происходит от латинского *ovum*. (Здесь и далее прим. пер.)

Вал часто напоминала о равновесии. Феникс из ничего не рождается: он либо умирает, обращаясь в пепел, чтобы потом возродиться, либо, птенцом в яйце, должен покоиться в пепле из костей других существ. На воле самки умирали, давая жизнь потомству, высиживая по одному яйцу за раз. Жечь кости людей и животных, чтобы добиться тех же условий, додумались первые анимаги – на вершине Пирмонта. Фениксы стали жить дольше и расплодись как никогда.

Когда Вероника спросила, что станет, если жечь не кости, а просто дрова, Вал ответила просто:

– Птенцы умрут.

Внезапно Вероника поняла, отчего до сих пор не вылупился второй феникс. Хуже того, знала это и Вал. Костей собрали слишком мало, и питомцу Вероники пришлось искать для себя другой источник жизни... тянуть силы из второго яйца.

Встревоженная, Вероника приподнялась на тюфяке и увидела сестру: Вал стояла над ней, держа в руке топор. При виде оружия Вероника вспомнила, как они покидали пределы империи: под покровом ночи, в крытой повозке. Остановились в приграничной корчме: сестрам пришлось спать в деревянном сарае. Когда к ним ввалился пьяный селянин, Вал схватила топор и приготовилась обороняться.

Пьянчужка попятился, ощупью отыскав дверь, но Вал все же последовала за ним.

Когда она наконец вернулась, Вероника даже в темноте разглядела, как сестра вытирает топор о висящий на гвозде фартук. Наутро и фартук и топор исчезли, и Вероника даже решила было, что ей все привиделось – если бы не новенький карманный нож у Вал да пригоршня монет, которых еще вчера не было. Вал купила горячей еды на завтрак, а ножиком они вырезали себе деревянные бусины из настоящего пирейского дерева.

Вероника невольно задумалась, о чем же те бусины напоминают на самом деле.

Топор в руках Вал больше походил на тесак, поблескивавшее в темноте лезвие было, без сомнения, острым. Очаг погас, и в комнате воцарился холодный серый мрак – такой же холодный и серый, как второе яйцо в углях. Не успела Вероника ничего сказать или сообразить, как Вал отвернулась и ударом топорика расколола яйцо надвое.

Вероника судорожно втянула воздух: скорлупа с хрустом раскололась, – а феникс удивленно вскинул голову.

Вероника невольно выглянула из-за ноги Вал. Она сама не знала, что ожидает увидеть – мертвого птенчика? – но внутри яйцо оказалось столь же плотным и серым, как расколотый камень. Так, может, камнем оно и было?

Вал обернулась и мотнула головой в сторону феникса. Прямо смотреть на птицу она избегала.

– Нареки его.

– Это она, – поправила ее Вероника. О том, что птица – самка, подсказало чутье.

Феникс тихонько защебетал, и в голову хлынул целый поток мыслей и образов. За ночь его разум окреп и повзрослел раз в десять – благодаря магическим узам. Птенец еще не научился мыслить четко, как тот же человек, но уже и не реагировал на все подряд, как животные. И хотя узам анимаги соединялись только с фениксами, разум животных, с которыми им приходилось общаться часто, они тоже меняли. Лошади и рабочий скот часто становились смысленнее – в человеческом понимании, – и дрессировать их оказывалось проще.

– Неудивительно, – сказала Вал. – Самки тяготеют к женскому духу, и наоборот. Пол фениксы выбирают еще внутри яйца, если знают, с кем соединятся.

Вероника кивнула, поглаживая феникса по пушистой головке большим пальцем.

– Пожалуй, я назову ее Ксепира.

Вал прищурилась. Она пристально посмотрела на сестру, потом скрестила руки на груди и задумчиво уставилась в потолок.

– На пирейском «пир» значит огонь или пламя. А вместе с «ксе»...

– Милое пламя, – подсказала Вероника, поглаживая сонного питомца по шелковистым перьям.

– Или Пламенная Сестра, – уточнила Вал. Приставка могла означать как брата, так и сестру, смотря какое имя – женское или мужское. Вал обучила Веронику и чтению, и письму, а еще – науке о звездах, временах года и истории.

Вероника всем в своей жизни была обязана сестре.

Она затаила дыхание, боясь, что Вал разозлится – еще бы, в их семью вторглись, и новичок грозит ее вытеснить.

Наконец Вал вынесла вердикт:

– Имя, достойное пирейской королевы.

Ее глаза блестели, как будто она произносила высочайшую похвалу.

Вероника ощутила гордость – угодила сестре! – и в то же время испугалась, что слова Вал окажутся пророческими, что ее саму и ее питомца ждет судьба пирейских королев: пламя, слава... и смерть.

Может, анимаги в долине и за ее пределами возрадуются, снова увидев в небе огненные следы феникса, но возвращения наездников желают не все.

Глава 3

Сэв

В Пире смерти радовались не меньше, чем жизни. Лишь конец приводит к началу – такой урок преподнесли людям фениксы, и такой же урок преподнесла мне жизнь.

Сэв смотрел под ноги.

Такой он выработал прием выживания, защитный механизм, а еще – способ не вступить в дымящуюся кучку помета.

На службе Золотой империи прошло полгода, а Сэв так и не свыкся с новой жизнью солдата. В конце концов, не он выбрал этот путь, и ему претило стоять в одном ряду со сбродом: воришками, убийцами и детьми бедняков, у которых тоже не было выбора.

Все они напоминали ему, кто он сам: голодранец, воришка, убийца.

Правда, еще меньше ему нравилось соседство с повинниками. Оно напоминало Сэву не о худшей половине его сути, но о лучшей – той, которую он поклялся забыть. Той, которую пришлось задушить и унять до едва тлеющего фитилька. Сэв, может, и анимаг, как те же рабы, но жить, как они, – остаток жизни горбатиться на империю без оплаты – он отнюдь не собирался.

А еще он не обязан подыхать, как они, – бросая близких. Как когда-то его бросили родители.

Никто, разумеется, от Сэва не зависел, об этом он позаботился. В детстве, когда привычный мир рухнул, так было проще: не любить никого и никому не позволять любить себя. Меньше забот. Не сегодня – завтра Сэв сгинет, и ни одна душа не заплачет о нем.

Порой, однако, он забывал, почему эта идея показалась ему в свое время годной.

Сэв продолжал брести, но тут колонна замедлилась. Он украдкой поднял взгляд. Его подразделение – десяток солдат и дюжина рабов – сопровождали тридцать лам, которых купили у заводчика на задворках низовий Пирмонта, горы, приютившей поселения Пиры.

Оказаться так близко и так далеко от дома... В груди защемило. Сэв только и ждал подходящего случая, чтобы покинуть империю, но не думал, что вернется вот так – в рядах ненавистой армии.

Это ведь усилиями империи Пира превратилась в страну-отщепенца, населенную изгоями. Их борьба за независимость унесла тысячи жизней – жизней наездников, овеванных пламенной славой. Жизни Авалькиры Эшфайр, так и не ставшей их королевой, и бросившей ей вызов сестры.

Жизни матери и отца самого Сэва.

Нынче же Пира слыла домом для изгнанников и тех, кто воевал с империей. Или же анимагов, не желающих вставать на учет и мечтающих без опаски использовать дар. Сюда не назначали губернаторов, здесь не действовали законы империи и ни с кого не взимали налогов, здесь даже не стоял гарнизон. Разбойничьи отряды у границы – дело обычное, и, собственно, поэтому Сэва и его сослуживцев обрядили в рванье и разномастную броню. Чтобы не выделялись.

Основная часть войска стояла лагерем на приличном удалении от Паломничьего тракта, главной артерии Пиры. Отряду Сэва поручили обменять повозки – бесполезные на крутых козьих тропах, которыми предстояло идти, – на крепких лам, послушных и спокойных вьючных животных. Вот если бы они гадили меньше. В лагерь надлежало вернуться засветло, и отряд едва успевал.

Так чего же все встали?

Вытянув шею, Сэв шагнул вперед... прямо в теплое скользкое дерьмо.

– Тэйке, – пробурчал он. Если кто и подбросит тебе под ноги кучку помета, так это проказливый бог-оборотень.

Кучка с чавканьем выпустила ботинок Сэва. Тут он поймал на себе взгляд шедшего рядом повинника: тот нахмурился, наблюдая за неудачей Сэва. Он, казалось, следил за Сэвом, потому Сэв и запомнил его. И почему-то повинник всегда оказывался рядом, стоило Сэву угодить в неловкое положение, то есть часто. Раб вроде приходился Сэву ровесником; высокий, широкоплечий; кожа – смугло-золотистая, черные волосы коротко стрижены. На шее – рабская цепь с простенькой табличкой, на которой значились имя, преступление и срок наказания.

Лицо раба выражало скорее любопытство, не враждебность, словно Сэв – некая интересная загадка. Правда, стоило обернуться, и повинник напрягся.

Ненависть к анимагам среди солдат – дело обычное, корнями она уходила во времена Войны крови. Истоки брала в рядах командования – среди офицеров, годами воевавших с наездниками и получивших на память жуткие раны и ожоги, – и спускалась к нижним чинам. Многие из молодых солдат в ту войну осиротели или росли, слушая, как родители с презрением говорят о повстанцах-анимагах и пирейских отступниках. Правды в этих рассказах было мало: не все анимаги происходили из Пиры, равно как не все пирейцы владели анимагией. Однако после войны, когда волшебю объявили вне закона и жизни анимагов оказались под угрозой, многие предпочли бежать в Пире.

Почти все солдаты ненавидели анимагов, всюю злоупотребляя положением, ни во что их не ставя. Обращаясь как с преступниками. Да они и были вне закона, и чем бы ни провинились – служили в Войну крови Авалькире Эшфайр, не встали на учет или тайно применяли магию, – в империи их преследовали и либо загоняли пошлинами в бедность, либо, если им нечем было платить, отправляли отбывать повинность на службе империи. Половина солдат когда-то преступили закон, но им все простили. Как Сэву, например.

Анимаги отвечали взаимной ненавистью. Их заклеямили предателями – даже тех, кто не поддержал восстание Авалькиры Эшфайр, – и они страдали под игом империи.

Сэв же застрял где-то посередине: вроде и солдат, но и от повинников почти не отличался.

С другой стороны, его родители были наездниками, и в его жилах текла магическая кровь. Тирания империи заставила скрыть дар, а по ночам ему виделось в кошмарах, как в армии раскрывают его секрет.

Солдаты не знали, что Сэв – анимаг, нашедший способ выжить.

Пусть все так и остается.

Если выяснится, что Сэв – анимаг, то носить ему цепь. А если прибавить к этому преступное прошлое, пожизненный срок обеспечен.

С другой стороны, он в армии, хотя ненавидел и боялся солдат, сколько себя помнил. Наездники отняли у него родителей, разрушили его жизнь и оставили сиротой на улицах Аура-Новы. Их он тоже ненавидел.

Сэв был без роду и племени. Словно овца без стада.

Поглядев на ботинок, Сэв одарил повинника невеселой улыбкой и стал оттирать подошву о ближайший пяточок травы. Повинник покачал головой и отвернулся. Избавиться от помета никак не получалось. Повинник снова повернулся к Сэву и раздраженно похлопал себя по поясу. Озадаченно нахмурившись, Сэв уставился на пустой пояс осужденного, и тут до него дошло, что повинник указывает ему на его собственный ремень. На подвешенный к нему мех с водой – самое то, чтобы смыть дерьмо. Зардевшись, Сэв кивнул в знак благодарности и, вынув пробку, быстренько полил себе на ногу.

Наконец Сэв покончил с обувью и, щурясь, снова посмотрел вперед: сквозь деревья виднелась залитая солнцем прогалина. Посреди нее стояла небольшая хижина с синей дверью. Домик был круглый, с куполообразной крышей – в Пире так многие строили. Наверное, охотничья хижина или жилище какого-нибудь отшельника.

Уходя утром из лагеря, отряд получил от капитана Белдена два приказа: вернуться засветло и никому не попадаться на глаза. Имперских солдат в Пире не жаловали, и вряд ли их маскировка под налетчиков убедит кого-то из местных, если станут присматриваться. К тому же местные и налетчиков не больно любили.

Впереди засуетились, и отряд двинулся дальше. Наверное, решили обойти прогалину стороной: хижина хоть и выглядела заброшенной, явно не пустовала. У дальней стены лежал хворост, тропинку очистили от разросшейся травы, а над трубой вились легкие струйки дыма.

– Эй, салага! – резкий окрик вернул Сэва на землю. Отт. Коренастый и пухлый, пыхтя от усилий, он напоминал Шута из арборийской комедии. Лоскутная куртка только усиливала это ощущение. Не хватало лишь колпака с бубенчиками. Землистого цвета лицо Отта пошло пятнами от загара, по вискам из-под редеющих волос стекали ручейки пота.

– Сэр, – Сэв вытянулся по стойке «смирно». Он намеренно двигался и думал медленно, чтобы не выделяться. Большинство солдат считали Сэва тупым, как болванка для меча, и Сэв изо всех сил поддерживал это впечатление. Служил он послушно, чтобы не придирались, и вместе с тем расхлябанно, чтобы не поручали лишнего.

– Стой здесь, – приказал Отт, тыча пальцем в землю, чтобы Сэв, дурак такой, понял все точно. – Животные отправятся дальше, но ты будешь тут нашими глазами, – добавил он, указав толстыми пальцами на свои глаза. – Убедись, что никто к нам не подкрадется. Мы с Джотамом на разведку.

Отт подтянул ремень, будто готовился к серьезной работе. Джотам, его поделщик – сейчас в прямом смысле, – встал позади. Остальные же погнались дальше.

Сэв прекрасно понимал, что Отт называет разведкой. Империя, может, и простила ему с Джотамом прегрешения, но бандитского дела эти двое не оставили. Даже не ради выживания, но для удовольствия. А ведь еще можно и кошель набить, да куда туже, чем позволяет скудное армейское жалованье. Таких вот «очистившихся», кому простили былые злодеяния, в армии – десятки, и на их проступки закрывают глаза, лишь бы у своих не крали. Джотам и Отт частенько брали в сообщники или оставляли на стреме салаг, неопытных и глупых.

Хорошую кражу Сэв обожал не меньше иного бедного беспризорника, но одно дело – срезать кошель у богатого купца, и совсем другое – обнести какую-то лачугу со сломанными ставнями. Вряд ли у тех, кто живет в ней, есть что-то лишнее.

И вдруг в хижине сейчас кто-то есть?

Сэв знал, что тогда будет.

Прольется кровь.

– Ты, магораб, – рявкнул Отт, обращаясь к ближайшему повиннику, тому самому, который видел, как Сэв вляпался в кучку помета. Магораб. Исполненное презрения ругательство, при звуке которого Сэв поморщился. Впрочем, сам повинник остался совершенно спокоен, только слегка втянул голову в плечи. – Замыкаешь строй. Не хватало еще, чтобы кто-то отстал.

С этими словами Отт – и Джотам с ним – скрылся за деревьями.

Сэв помялся, глядя на повинника.

– Не сердчай на него, – пробормотал он.

– Чего? – переспросил повинник. Сэв впервые услышал его голос: низкий, с грудным рокотом.

– Да просто... не стоило им тебя так называть.

Какое-то время повинник пристально смотрел на Сэва, словно пытаясь понять, издевается тот или говорит искренне. Редко какой солдат заговорит с осужденным, а уж извиняться и вовсе не подумает.

Наконец повинник фыркнул – почти удивленно – и, уронив подбородок на грудь, покачал головой.

– Беда не в том, как меня называют, солдат. Хоть рабом, хоть сэром... Беда в том, кто я такой.

Ну конечно. Сэва и повинника отличало только то, что одного поймали на использовании магии, а другого нет. Магия в империи была всегда, и она нужна людям, кто-то не выживет без нее. Как можно ставить волшбу вне закона? Будучи солдатом, Сэв ощущал себя соучастником тирании.

Сэв не нашел что ответить и, вспомнив приказ Отта, подавил чувство вины. Он оставил повинника и двинулся сквозь деревья к прогалине. Встал на самом ее краю, так, чтобы не видеть через открытую дверь, что творится внутри.

Вовсю пекло солнце, и в воздухе слышался легкий аромат древесного дыма, к которому примешивался горьковатый и вызывающий тревогу душок. По лбу скатилась капелька пота; подбитая кожей куртка липла к мокрой спине.

Джотам и Отт приближались к хижине, а тишина сгустилась, словно сам лес затаил дыхание. «Неправильно все это», – думал Сэв. С тех пор как неделю назад отряд пересек границу империи, его повсюду окружали звуки природы. Он привык к шуму Аура-Новы, где тебя глушат толпа да грохот колес по мостовой. Но здесь, в Пире – или в Вольных землях, как ее называли местные, – шум был вовсе не какофонией. Это была музыка, мелодичная и живая; ее ритм удивительным образом успокаивал разум и смягчал исстрадавшуюся душу. Звуки напоминали Сэву о проведенном на ферме детстве, когда его жизнь, никого не интересовавшая, была проста и спокойна.

Ах, если бы все вернуть.

Ощувив прикосновение к руке, Сэв обернулся. Оказалось, к нему прильнула лама, словно бы успокаивая. За ней пришли еще две, а с ними – повинник, который, видно, предпочел остаться с Сэвом, а не следовать, как было велено, за конвоем.

Сэв отпихнул животное. Получилось неожиданно грубо, но приходилось делать вид, что животные ему совершенно безразличны. Даже простую ласку могли принять за магию, а выдавать себя Сэву нельзя.

Повинник прищурился. Неужели ощутил в нем магические силы? Порой, стоило Сэву отвлечься или расстроиться, как способности проявлялись сами собой. Не успевал он опомниться, как к нему, привлеченные помимо воли, подсаживались птица или кошка.

– Ты что тут делаешь? – спросил Сэв.

Повинник раздул ноздри.

– Это ты что тут делаешь? – накинулся он на Сэва. Взгляд его темных глаз устремился Сэву за плечо, туда, где Отт с Джотамом крались к хижине. – Не извиняйся передо мной за грубость солдата, если сам остаешься в стороне, когда тот же солдат грабит невинных и оставляет за собой трупы.

Сэв нахмурился.

– Они не станут меня слушать, – махнул он рукой в сторону Отта и Джотама. – Прости, но здесь, на горе, они успеют натворить дел похуже.

Империя втайне отправила в Пиру двухсотенный отряд не для мирных переговоров. Зачем точно – Сэв не знал, но местных они точно в покое не оставят.

Повинник взглянул на него с нескрываемым презрением.

– И что, тебе плевать?

Сэв уставился на него в ответ. Не то чтобы ему прежде не дерзили, но с тех пор, как он записался в армию, ни один повинник вообще не смел заговаривать с ним. А этот будто не ведает ни страха, ни сомнений.

– Какая разница, что меня волнует? – ответил Сэв. – У меня нет выбора.

Повинник скривился, словно Сэв не только не был выше его по статусу, но был чем-то даже отвратительнее приставшего к ноге помета.

– Выбор есть всегда.

«Ложь», – подумал Сэв.

Не он решил стать сиротой в четыре года и с другими потерявшими родных жить в переполненных приютах, где свирепствовали голод и болезни и от повинности спасало только умение скрывать дар. И когда он убил солдата, то не по своей воле занял его место, примкнув к тем, от кого прятался всю жизнь. Выбор – самообман, развилка на дороге в сказке. В жизни альтернатив нет – разве что сулящих беду.

Если Сэв и выберет что-нибудь, то лишь бегство от смерти и людей, которые ее несут, а не навстречу им.

В тишине, окутавшей лес, даже ветер перестал шелестеть листьями. И тут словно грянул гром среди ясного неба – Джотам ударом ноги выбил дверь.

Глава 4

Вероника

Смерть отца оборвала тысячелетнюю династию. Но наши жизни продолжались.

Пальцы Вероники были перепачканы землей; прохладная трава намочила штаны на коленях. Вероника резким движением выдернула из земли луковицу и бросила ее в корзину. А когда потянулась за следующей, то на загривке у нее зашепотало от нехорошего предчувствия.

Она услышала какой-то звук. Точнее, ощутила его магическим чутьем.

В груди тревожно защемило, и Вероника резко обернулась... обнаружив перед собой Ксепиру. Вероника улыбнулась, сердце исполнилось радости при виде питомца. Пусть ему и полагалось безвылазно сидеть в доме.

– Я же велела не высовываться, – пожурила Вероника феникса, хотя с их узами слова были не нужны. «Тебя могут увидеть», – передала она мысленно. Ксепира моргнула, глядя на соузницу – сама невинность и любопытство, – и молниеносно ухватила клювом пролетавшего мимо мотылька.

Вероника тяжело вздохнула. Может, они и отсиживаются в Пире, где не действует закон империи, но анимагу все равно лучше таиться, а для феникса скрытность так и вовсе вопрос жизни и смерти. Хижина стояла слишком далеко от Предгорья, где к разбойничьим налетам привыкли. Если их схватят, Веронику заставят отбывать повинность, а Ксепиру казнят.

Ну, хотя бы Вал дома нет. Прямо с утра она отправилась на рынок Раннета, чтобы «заняться меном» и пополнить припасы. То есть с помощью тенемагии заставить ничего не подозревающих торговцев даром отдать ей все необходимое. Чтобы сделать хоть что-нибудь полезное, Вероника отправилась собирать дикий лук, чеснок и съедобные коренья. Ксепиру полагалось сидеть дома.

С тех пор, как две недели назад она впервые поднялась в небо, Вал запретила ей показываться на улице, если только сама не наблюдала за окрестностями. Но эти дни выпадали слишком уж редко. Точно так же, как Вал презирала прочих друзей-животных Вероники, сестра с каждым днем проникалась все большим презрением к ее соузнице. Это все зависть. Вал чувствовала себя обделенной, но чем сильнее Вероника старалась преодолеть разлад между ними, тем угрюмее Вал становилась. Всякий раз, стоило Веронике похвалить или приласкать маленького феникса, Вал отпускала десятки замечаний и предупреждений о том, как опасна эта магическая связь.

Нельзя нежничать с Ксепирой, не то птица вырастет слабой и мягкой.

Нельзя спускать ей вольное поведение, ибо это – проявление слабости, и Вероника потом не сможет управлять фениксом.

Следует показывать, кто главный, а главная – Вероника. Ксепира ей служит. Они – не семья, как Вероника с Вал, и если Вероника продолжит настаивать на том, что Ксепира ей друг и ровня, это приведет их к гибели.

Вероника честно пыталась быть послушной, но она всю жизнь была близка с животными и получала от них желаемое прося, а не приказывая. Порой слова Вал звучали величайшей мудростью, в другое время – как удобные, надуманные предлоги, чтобы вбить клин между Вероникой и ее питомцем.

Стоило же Веронике открыто засомневаться в словах сестры, как та злилась. Постоянно.

– Просто у твоей сестры характер такой, – говорила бабушка всякий раз, как Вал с яростью пыталась одержать верх над сестрой. – Она – что огонь. Пожирает.

– А кто же я, майора? – спрашивала Вероника.

– Ты тоже огонь, ты освещаешь путь.

Мысли о бабушке всегда вызывали улыбку, даже если Вероника отчаянно тосковала по ней. Особенно с тех пор, как вылупилась Ксепира. Бабушкин совет уравнивал бы наставления Вал и вернул мир между сестрами. Вал смотрела на разницу между собой и Вероникой как на то, что необходимо исправить, – как на задачу, которая нуждается в решении. И, разумеется, меняться должна была Вероника, не Вал. Зато бабушка всегда напоминала сестрам, как они схожи, – например, сравнивая их с огнем, – указывая на то, что они лишь две стороны одной монеты. Связанные противоположности.

Веронику не смущало, что они с Вал разные: она верила, что чем скорее сестра это примет, тем проще им станет жить.

Однако чем ближе Вероника подходила к хижине, тем больше таяла ее решимость постоять за себя. В последнее время они с сестрой и так почти на ножах, к чему лишние ссоры? Вероника с трудом терпела угрюмое настроение Вал. Зато если вернуться домой прежде сестры, то ссоры и вовсе получится избежать.

Ксепира устремилась вперед, пока Вероника пробиралась через чащу. Феникс перелетал с ветки на ветку, ловя червячков и личинок, чирикавая попадавшимися на пути птицам. Она напоминала не по годам развитого ребенка: умная, любознательная, порывистая. И ей все еще не доставало зрелости и понимания того, как устроен мир. За минувшие недели узы окрепли и развились: Вероника с фениксом общались уже не образами и впечатлениями, а четкими мыслями и не очень ладно скроенными предложениями. Пройдут месяцы, прежде чем Ксепира научится понимать язык и полноценно им овладеет. Вероника с Ксепирой теперь предугадывали движения и мысли друг друга, живя и действуя, словно связанные невидимой нитью.

Менялась не только Ксепира. Разум Вероники ширился, подпитываемый новыми ощущениями и сведениями, которые она получала через питомца. Запахи, звуки, виды, которые она прежде просто не замечала, феникс впитывал ненасытно. Магия Вероники тоже менялась: с тех пор, как она связала себя с птицей, ее дар усилился раза в два и действовал шире. Мир вокруг сделался как никогда ярким и живым.

Ксепира уже была величиной с крупного орла, пушок сменился шелковистыми радужными перьями – на хвосте они были гораздо длиннее и приобрели насыщенный оттенок, как и растущий на голове хохолок. У самок он – и хвостовые перья – имел глубокий пурпурный цвет, тогда как у самцов – золотисто-желтый. Вал отметила, что Ксепира крупная для своего возраста, значит, по достижении ею двух месяцев на ней уже можно будет летать. Впрочем, все фениксы росли по-разному: большинство взрослело от трех месяцев до полугода.

Умом и телом фениксы созревали быстро, благодаря этой особенности на них и раны заживали почти молниеносно, и ум был острее. Ксепира жадно стремилась к новым знаниям, поди удержи ее взаперти. А еще в ней глубоко коренилось желание отыскать других фениксов, «огненных братьев и сестер», как она их сама называла. Фениксы – не одиночки; они создавали пары на всю жизнь, жили стаями, добывая пропитание и охраняя свою территорию.

Рано или поздно Ксепира скажет, что им пора уходить – на поиски других, таких, как они. Ей понадобятся наставники-фениксы, а Веронике не обойтись без помощи других наездников. От одной мысли пуститься вместе в приключение – приключение, о котором она и не смела мечтать, – Веронику охватывал трепет. Казалось бы, иного пути невозможно представить, но дело не только в этом. От мысли, что Веронику примут свои, другие анимаги и их фениксы, что она обретет друзей и место, где ей рады, голова шла кругом. Правда, оставались сомнения, и одно из самых сильных – существует ли такое место, найдутся ли такие люди?

И вот еще вопрос: пойдет ли с ними Вал? Примут ли ее? Без феникса.

Вероника так глубоко погрузилась в мысли и увлеклась тем, как Ксепира созерцает паутину, что даже подскочила на месте от разнесшегося по лесу треска. Шум донесся со стороны хижины.

Вероника судорожно сглотнула, а в животе образовался горячий комок страха. Кто-то вломился в дом.

Вал.

Похоже, вернулась раньше обычного.

Вероника ускорила шаг, велев и Ксепире поторапливаться. Если они поспешат, то успеют выбраться на прогалину незаметно. Вероника постарается убедить сестру, что они с фениксом не покидали безопасных пределов.

Придумывая на ходу историю, Вероника нырнула под толстую ветку и испачкала руки и волосы в липком древесном соке. Ветка со свистом выпрямилась, когда Вероника ее выпустила; впереди показалась окутанная маревом и бронзоватым светом послеполуденного солнца хижина.

Картина была мирная. Идиллическая. Хижина была прямо как домик мудрой майоры из старинной сказки.

Разве что навстречу Веронике не вышла добрая старушка и не предложила сладостей и сказок.

Не вышла навстречу ей и Вал – скрестив руки на груди и бурно дыша. Вместо нее Вероника увидела мародера. Он смотрел прямо на нее.

Глава 5

Сэв

В горе мы держались друг за друга. Ее страдания были моими. Ее боль становилась моей.

Рука сама собой метнулась к ножу на поясе. Сэв и не подозревал, что у него есть такой навык – похоже, месяцы боевой подготовки не прошли даром.

Вот только никто не учил его драться с невооруженными девчонками, которые, словно перепуганное животное, выскакивают на него из зарослей. Незнакомка взглянула на него, потом на хижину. Должно быть, это ее дом, а тут – он, с оружием, встал на пути.

Девочка была юная – не сильно моложе самого Сэва, однако что-то в ней выдавало ребенка. Ее темная кожа отливала бронзой в лучах солнца, а заплетенные в толстые и тонкие косицы черные волосы украшали бусины и прочая блестящая мелочь да тесьма. Она была боса, а значит, чувствовала себя здесь в безопасности. Должно быть, эта наивность и чувство защищенности и делали ее похожей на ребенка, не боящегося выйти из дому. Сэв давно не мог позволить себе чувствовать то же.

При виде ножа девушка застыла, сделалась неестественно тихой – словно зверек, почувший хищника.

Сэв тяжело сглотнул. В горле пересохло, как в жаркой пустыне. Ну, и что ему делать? Если ее увидят Джотам и Отт – заставят умолкнуть. В доме зазвенело стекло, и тишины как не бывало. Девушка резко обернулась. Сообразила, что мародер не один.

– Голяк, – раздался голос Джотама, неестественно громкий.

Сердце Сэва забилося до боли часто. Он оглянулся, но Джотам и Отт еще не вышли.

– Да уж, красть нечего, – добавил Отт.

Страх разлился по жилам Сэва. Если красть нечего, то эти двое выйдут в любой момент. Сэв посмотрел на девушку.

– Беги отсюда, – шепнул он ей, жестом указывая в сторону чаши.

Девушка смущенно нахмурилась. С какой стати мародер с ножом велит ей бежать? Она явно ожидала подвоха. Осмотрела близлежащие заросли – и тут увидела притаившегося в тени позади Сэва повинника. Девушка отступила в сторону, еще дальше выйдя на опушку. Не стоило.

– Нет, стой. Я, мы... – Сэв махнул рукой в сторону повинника. – Мы тебе зла не желаем. Он убрал нож.

– Зато вон те, – он указал в сторону дома, – опасны.

Девушка медлила, ее взгляд метался между Сэвом, повинником и домом. Изнутри доносился шум: мародеры с руганью копались в вещах.

В лесу в этот миг как будто что-то промелькнуло. Не то вспышка света, не то зверек. Сэв не успел ничего понять, когда ветки справа от девушки всколыхнулись, и нечто выпорхнуло ему навстречу, покровительственно опустившись ей на плечо.

Да, это был зверек, а точнее, птица. Ярко-красная, с длинным пурпурным хвостом и проклюнувшимся венцом из шипчиков на макушке. Птица напоминала факел во тьме, луну в ясную ночь. Явно не простая, магическая. В ее присутствии покалывало кожу.

Феникс.

Отпихнув Сэва, вперед вышел повинник. Он глядел прямо на феникса. Девушка подобралась, но нападать на нее никто не собирался: повинник в почтительном жесте приложил руку к груди и склонил голову. Девушка взглянула на него, на цепочку и медальон и, похоже,

поняла, кто он такой. Они поняли друг друга без слов. Оба были анимагами: лишь анимаг способен выходить и приручить феникса, и лишь анимагов в империи заставляют отбывать повинность. Это знание сплотило двух волшебников, а Сэв остался как бы в стороне, далеко – хоть и сам владел магией, – в тени от их теплого света.

Девушка нежно погладила феникса и нерешительно взглянула на повинника, как бы предлагая ему сделать то же самое. Тот осторожно, вытянув руку, приблизился, но в этот момент громко хлопнула дверь, и все трое словно вернулись на землю.

– Если опоздаем, капитан шкуру с нас спустит... – бурчал Отт. Дверь хлопнула второй раз, а значит, следом, как обычно, шел Джотам. Еще чуть-чуть, и они обогнут дом.

В голове у Сэва гремел тревожный набат. Мысли путались, слова не шли на язык.

– Кусты, – выпалил он, жестом веля девушке с фениксом укрыться в зарослях. Встревоженный резкими движениями, феникс принял защитную позу: расправил крылья и подал голос, – но к счастью, именно в этот миг заговорил Отт:

– Салага! – позвал он, тяжело ступая по жухлым листьям. – Ты где?

Девушка посмотрела на повинника. Ему она явно доверяла больше, чем Сэву. Повинник ободряюще кивнул, и только тогда она метнулась в заросли. Феникс, хлопая крыльями, скрылся следом. Убедившись, что беглецов не видно, Сэв обернулся.

Солдаты приближались: лицо Джотама, как обычно, не выражало ничего, зато щекастый и рябой Отт недовольно кривился.

– А этот почему до сих пор здесь? – спросил он, небрежно ткнув в сторону повинника самострелом. Так, будто повинник – пустое место.

В голове у Сэва по-прежнему гудело, сердце грохотало так, что он с трудом соображал.

– Он...

– Я вот это искал, – произнес повинник, выступая вперед. В раскрытой ладони он сжимал гнутую пряжку. – Оторвалась.

Отт прищурился и перевел взгляд на деревья у него за спиной. Увидел ли он девушку или просто высматривал конец колонны?

– Слушай сюда, магораб, – презрительно произнес Отт, вплотную подходя к повиннику. Сразу стало видно, насколько разного они телосложения. – Солдаты мы, – он указал на Сэва и Джотама, – а ты – слуга. Усек? В следующий раз делай так, как говорят, иначе утыкаю тебя стрелами и оставлю на поживу воронам.

Повинник покорно кивнул, хотя Сэв почувствовал исходящие от него волны ненависти. Отт же, ослепленный своим превосходством, ухмыльнулся.

– Теперь двигай отсюда и почини ремень, – приказал он, а после снова обратился внимание на Сэва. Повинник мельком глянул тому в глаза, со значением посмотрел туда, где прятались девушка с фениксом, и лишь потом удалился.

Теперь все зависело от Сэва.

– Если не напоминать им, у кого власть, они перестанут тебя уважать, – елейным голосом произнес Отт, заговорщицки приобняв Сэва за плечи. Сэв перестал дышать, лишь бы не слышать вони пота от его немывтого тела. – А если они тебя не уважают, так пусть хоть боятся. Верно я говорю, Джот?

Джотам равнодушно кивнул, увлеченно вычищая грязь из-под ногтей. Отт отпихнул Сэва и громко заржал, оглядывая опушку и близлежащие заросли.

Сэв постарался не шевелиться, словно малейшим движением мог выдать девушку в зарослях. Они стояли слишком близко...

– А это что такое? – спросил Отт, глядя Сэву за спину.

Желудок свело от ужаса, но, оборачиваясь, Сэв сохранял невозмутимый вид.

Оттолкнув его, Отт подошел к лежащей на земле, среди рассыпанных луковиц, плетеной корзинке. Должно быть, девушка обронила ее, столкнувшись с Сэвом.

Отт поднял корзинку и с вопросительным взглядом показал ее Сэву. Тот не придумал ничего лучше, кроме как пожать плечами. Врать он умел прилично, но порой лучше промолчать. Глупость – природная или напускная – поможет объяснить любые странные совпадения.

Отт осмотрелся, потом заглянул внутрь корзинки. Фыркнул.

– Часовой из тебя... – произнес он и с презрением отбросил корзину. – Ты и роя ос не заметишь, пока тебя в зад не ужалят.

– Пора идти, – скучающим тоном напомнил Джотам. На каждые десять слов, сказанных Оттом, он говорил всего два. Если Отт был Шутом – пухлым и шумным коротышкой, – то Джотам был Пугалом, его тощей и тихой противоположностью. Худое лицо и сальные патлы усиливали это ощущение; его продубленная коричневая кожа была покрыта сложным рисунком неровных и плохо заживших шрамов.

В детстве Сэв обожал пьесу «Шут и Ворона», а еще «Принцесса-жемчужинка» и «Приключения пройдохи». Протиснувшись через толпу у театра в аллее Лицедеев, Сэв наблюдал за игрой на сцене, выглядывая из-за ног взрослых. Большую часть комедий ставить позволяли, а вот эпосы и трагедии запрещали. Они пользовались народной любовью, но со времен войны оказались в опале, потому что повествовали о многих славных воинах и знаменитых людях из истории укротителей фениксов. Ходил слух, якобы кое-где в подпольных театрах и игорных домах Аура-Новы актерам платили больше обычного, чтобы они тайно, после закрытия исполняли запретные пьесы. За риск со зрителем драли в три шкуры.

Джотам побрел прочь, а Отт присмотрелся к Сэву.

– Раз уж дозорный из тебя никакой, поработаешь носильщиком, – грубо произнес он, бросил перед Сэвом самострел и, самодовольно ухмыляясь, вразвалочку пошел вслед за подельникником.

Сэв смотрел им вслед, не смея даже вздохнуть, пока наконец лес не поглотил звуки шагов.

Сэв сделал судорожный вдох, не зная, что говорить и как быть, а девушка в это время поднялась из-за кустов. Сомнений нет, она все слышала и теперь знает: он – не какой-то там мародер, а солдат. Птицы нигде видно не было, но теперь, когда опасность миновала, Сэв впервые позволил себе осознать, что видел он живого феникса.

Все думали, что их больше нет, что империя уничтожила их вместе с восстанием, символом которого они и были. После войны губернаторы решили, что эти птицы слишком опасны и слишком преданы анимагам, поэтому нельзя им доверять. В пределах империи фениксов извели полностью, а в первые годы после войны браконьеры охотились за ними и в Пире. И хотя на Вольные земли закон империи не распространялся, с падением Авалькиры Эшфайр в независимом государстве некому стало защищать фениксов и их земли. Не осталось правителей, солдат и устройства страны. Всякое село теперь было само по себе, не хватало ни людей, ни возможностей, чтобы всем объединиться под одним стягом или ради общего дела. Люди Пире, может, и обрели свободу от законов империи, но освободились они и от ее покровительства.

Сэв часто задавался вопросом: почему империя не направит сюда армию, чтобы прибрать к рукам отбившуюся провинцию? Из подслушанных разговоров он понял, что ответ прост: дело того не стоит. Столь обширные и дикие земли так просто не захватить, силы растянутся. К тому же Пира – страна не богатая: экономика рухнула во время войны, странствовать по ней и торговать опасно. Восстановление обойдется чересчур дорого.

Но... если Пире нечего дать империи, зачем посылать сюда Сэва и других солдат?

Сэв снова посмотрел на девушку. Может, наездники вовсе не сгнули? Может, поэтому отряд Сэва здесь?

– Так это... ты – наездница? – прошептал он. Давно Сэв не произносил этого слова: наездница. Укротительница феникса. С тех самых пор, как лишился родителей. Что, если зреет новое восстание и девушка – из мятежников?

С каменным лицом она скрестила руки на груди. Сэв, может, и не сдал ее, но он все же солдат, вставший на пути к дому. Где-то в лесу у нее за спиной пропел феникс, и черты ее лица немного смягчились. Присев на корточки, она подобрала с земли выпавший из корзины корешок и бросила его в чашу. С громким треском и хрустом, шурша листьями, феникс набросился на угощение.

Девушка широко улыбнулась, и Сэв – невольно – тоже.

На миг напряжение между ними ослабло, уступив место общности, как вдруг девушка затаила дыхание и ее темные глаза тревожно округлились.

Мгновением позднее Сэв сообразил, в чем дело: воздух у него за спиной всколыхнулся, и долгожданная прохлада коснулась вспотевшей шеи. Он не успел даже дернуться, когда что-то надавило на бедро, потом едва слышно и коротко зашипело. Кто-то грубо задрал ему голову, приставив к горлу его собственный нож.

Глава 6

Вероника

Я обещала, что престол не встанет между нами. Что между нами не встанет ничего. Как же мне не хватает этой детской наивности.

Вал крепко сжимала в руке нож. На губах у нее играла дикая улыбка, в глазах читалась жажда крови.

Развевающиеся рыжие волосы придавали ей сходство с девой смерти, проводившей мертвых в темные миры Нокс, и она поймала этого бедолагу-солдата, как неприкаянную душу на поле битвы.

– Вал, нет! погоди... – закричала Вероника, протягивая руки. – Стой.

Нож Вал не убрала, но и в ход его не пустила. Она бурно дышала, а паренька колотила дрожь.

– От него разит империей.

– Он спас мне жизнь! – выпалила Вероника, подходя ближе. Весь непростой смысл ситуации наконец дошел до нее, стоило осознать, что Ксепира по-прежнему где-то в лесу. И если Вал уже сейчас без ума от гнева, она превратится в бушующий вулкан, узнав, что феникс на воле... узнав, что этот солдат – и повинник – его видели.

При помощи тенемагии Вал вытянет из солдата правду, и тогда живым ему не уйти. И пусть он служит империи, Вероника не хотела, чтобы погиб он из-за нее.

Нельзя дать сестре опомниться.

– С ним было еще трое, – сказала Вероника. Говорила она быстро, торопясь воспользоваться преимуществом. Должно быть, Вал за день в деревне вымоталась – вовсю использовала магию, доведя себя до изнеможения. Если говорить правду, скрывая разоблачающие детали глубоко в уголках разума, Вал, может статься, примет рассказ за чистую монету. Врать сестре Вероника умела – надо только хорошенько сосредоточиться. Обычно позднее Вал раскрывала обман, но сейчас, если не терять головы, можно спасти пареньку жизнь.

– Те трое были вооружены и пришли ограбить нас, – продолжала Вероника. – А он помог мне спрятаться в кустах и не выдал. Он спас мне жизнь, – повторила она.

– А еще ограбил нас, – подумав, добавила Вал.

– Ты же знаешь, у нас и красть-то нечего, – напомнила Вероника, используя слова другого солдата. Парень стрельнул взглядом в ее сторону, но Вероника не отвлекалась.

Вал присмотрелась к парню.

– Я чувую в тебе страх, – пробормотала она, переминаясь с ноги на ноги. Двигалась она плавно, а лезвие ножа скользнуло по шее солдата почти любовно. Парень судорожно сглотнул, дернув кадыком; кончик ножа проткнул кожу. – Она – юная и милая, – сказала Вал, мельком глянув на Веронику. – Живет одна в лесу, где никто не услышит ее криков...

Вероника чуть не застонала. Вал извратила ее рассказ в своем темном разуме, придумав себе беду, предлог – лишь бы убить солдата.

– Вал, другие, – поспешила напомнить Вероника. – Они его ждут. Убьешь его – придут искать. Кто знает, сколько их будет. Они придут, и со всеми ты не справишься.

– Попытка не пытка, – ответила Вал. Однако лоб ее изрезали морщинки, и прежняя свирепая сосредоточенность ушла.

– Он ничего мне не сделал, даже пальцем не тронул. Он нам вреда не желает... правда ведь? – спросила Вероника, обращаясь уже к парню.

В его широко распахнутых глазах читался дикий ужас, а загорелая кожа утратила цвет, подобно крашеным ставням на палящем солнце. Вал ослабила хватку, и он отрицательно мотнул головой.

У Вал внезапно сделался скучающий вид, будто солдата тут и не было. Она убрала нож и с силой толкнула паренька в спину. Покачнувшись, тот оглянулся. Потер шею, размазывая кровь, струящуюся из небольшой ранки.

Вал изобразила свою самую прекрасную и грозную улыбку и наставила на него кинжал.

– Увижу еще раз, имперская ты крыса, и разговоров не будет. Говорить будет нож. Как и сегодня, ты ничего не заметишь. И лепет моей сестрицы тебя не спасет. Даю слово.

Кивая, парень слегка поклонился. Поискал в траве самострел, брошенный спутником, поднял – показав, что убрал палец со спускового крючка, – и попятился в заросли. Какое-то время слышались его тяжелые и неровные шаги: он убегал, посекундно оглядываясь.

Наконец в лесу снова стало тихо. Вал убрала трофейный нож за пояс.

Хижина почти не изменилась, разве что ящик с припасами стоял открытым, тюфяк лежал перевернутым, а глиняный горшок валялся на боку, и от кромки к отколотой ручке спускалась трещина. Солдаты были правы: брать в доме нечего.

Вал принялась складывать в ящик добытые в Раннете продукты. Деревня стояла в четырех часах хода к югу, на краю Предгорья, в ней любили останавливаться торговцы из долины. Вероника мялась в дверях, сжимая в руках корзинку с чесноком и картошкой и гадая, что будет дальше. Она наконец осознала произошедшее, и у нее задрожали руки. Волны эмоций – потрясение, страх и ужас – быстро сменив друг друга, отхлынули, оставив после себя пустоту. Собственное тело казалось Веронике дрожащей пустой оболочкой. Она ждала, что худшее еще впереди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.